

Степун — Вяч. Иванову

Paris. 15 марта 1925 г.

Дорогой Вячеслав Иванович,

я очень страдаю, что до сих пор не ответил Вам на Ваше милое письмо¹. Причина — недоступная для человеческого ума совокупность причин. Во-первых, получил я Ваше письмо как раз накануне отъезда из Фрейбурга²; во-вторых, между Фрейбургом и Парижем³ мотался в Кельне, где читал лекции; в-третьих, приехав в Париж и задумав писать Вам, обнаружил, что у меня нет Вашего адреса. Пришлось писать Шору⁴ во Фрейбург, а Шору в это время пришлось оперировать аппендицит. Прибавьте ко всему этому впечатления от мало известного мне Парижа и от слишком хорошо известной русской колонии в нем и Вы, быть может, простите меня. Я счастлив, что первый написал Вам⁵, как только слышал о Вашем приезде в Берлин⁶: есть, по крайней мере, вещественное доказательство моего душевного тяготения к Вам.

Перед тем, как писать о себе, ужасно хочется спросить Вас, что будете Вы делать с собою. Остаетесь ли Вы здесь, или собираетесь обратно. Насколько я Вас понял, это для Вас не столько вопрос Вашего желания, сколько вопрос возможности Вашего существования в европейских краях. Посмотрев эмиграцию в Париже, я пришел к заключению, что нашему брату писателю жить здесь весьма трудно. Вам, конечно, будет труднее многих, потому что Вы приехали одним из последних и потому что не все здесь достаточно понимают, что пребывание на территории советской России отнюдь не есть еще пребывание в большевиках⁷. Мне все больше кажется, что равнение на эмиграцию в экономическом порядке почти что невозможно и надо устраиваться, если нельзя и не хочешь ехать в Россию⁸, в той стране, в которой живешь. Возможен ли для Вас такой путь — сказать трудно, но все же думается мне, что завоевать его себе можно. «Достоевский» Бердяева уже вышел по-немецки⁹;

выходит на днях и его «Философия истории»¹⁰; мои «Мысли о России» печатаются в журнале¹¹; мой роман вероятно выйдет тоже по-немецки¹². Во Франции интерес к России меньше, но все же и в ней он есть. Лютер¹³, Шлецер¹⁴ и другие регулярно работают и в немецких, и в французских журналах. Мое личное устремление получить Lehrauftrag¹⁵ по истории духовных течений в России при каком-нибудь немецком университете¹⁶. Осуществление этого плана вещь весьма трудная, но, может быть, все же возможная.

Я пока пробиваю себе путь к нему чтением лекций на немецком языке о России¹⁷. Перечитал я уже в большом количестве городов. Приглашают и научные общества, и клубы промышленников, которые сейчас весьма интересуются Россией. Оплачивается это довольно прилично, но очень неприятна спорадичность заработка: из того, что приглашали вчера, отнюдь не следует, что пригласят и завтра¹⁸. Если не пригласят, дело дрянь; а с весны будет вдвойне дрянь, потому что ко мне собирается моя мать¹⁹, одна из самых горячих поклонниц Вашего таланта.

В свое время, Вы, вероятно, это забыли, Вы, в споре со мной против моей философии, как-то обронили фразу: «Вот оправдайте Вашу философию в романе, напишите роман — тогда я Вам поверю», с тех пор прошло, вероятно, лет 15; философский роман, как Вы, вероятно, знаете и от Муратова²⁰, и по «Современным запискам», я написал, и мне было бы очень интересно знать, хорошо ли или скверно исполнил я Ваше задание. Сейчас я еду в Грас[с] в гости и думаю закончить там своего «Переслегина». Напишите мне, пожалуйста, два слова о том, есть ли у Вас время его прочесть. Если есть — пришлю Вам его в оттичках и буду очень просить написать мне откровенно, что Вы о нем думаете²¹. Кроме «Переслегина» пишу я еще книгу воспоминаний и размышлений о революционной России, отдельные очерки из нее печатаю тоже в «Современных записках» под заглавием «Мысли о России». Внутренне живу и не романом, и не воспоминаниями, а мечтой вернуться к философии и к философии религии. Когда это удастся — сказать весьма трудно. Все мы живем в каких-то взметенных перспективах, и иногда кажется, что до сознания и разработки самого последнего и главного, что дали годы войны и революции, так до смерти и не успеешь дойти. А жизнь летит с невероятной быстротой. Утешаюсь, что сейчас год не год; земля что-то уж очень быстро вертится вокруг солнца. Как знать, может быть, мы все проживем до 120, 150 лет.

Мог бы очень много написать Вам обо всем и обо всех, но страшно некогда. Да и неисчерпаемы темы. Больше всего хотел бы поговорить с Вами. Послушать, что и как Вы думаете о России²². Все-таки скоро

уже 2½ года, как мы здесь, и все больше и больше тянет обратно, и не столько люди, сколько земля и пейзажи.

Наталья Николаевна [Степун] и я шлем Вам наш самый сердечный привет.

Ваш Ф. С.

Нет ли у Вас стихов для «Современных записок»? Если Вы останетесь здесь, Вы, надеюсь, не откажете нам в своем внимании. С большим нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Grasse (A[lpes-]M[aritimes]), Villa Belvédère,
Фондаминскому²³.

